

Шевченко Т. Г.
175-лет со дня рождения

89/89

8 МАРТА 1989 г. № 10 (5232)

Лит. газ. - 1989 - 8 марта - с 5 КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 5

К 175-летию со дня рождения Тараса ШЕВЧЕНКО

ДЛЯ МНОГИХ поколений украинцев — и не только украинцев — Шевченко означает так много, что сама собой создается иллюзия, будто мы все о нем знаем, все в нем понимаем и он всегда с нами, в нас. Но это действительно лишь иллюзия. Шевченко как явление великое и вечное неисчерпаем и нескончаем. Волею истории он отождествлен с Украиной и вместе с ее бытием продолжается, вбирая в себя новые дни и новый опыт, отыскивая на новые боли и думы, судьбу народную. Он развивается во времени, в истории, и нам еще идти и идти к его постижению... Но чтобы лучше понять его как своего современника, нужно полнее постичь его как современника проблем общества середины XIX столетия. Шевченко сам приходит в наш день. Но и мы должны идти в его время. Только так взаимопонимание между нами иhim будет глубже и полнее.

Мы искренне восхищаемся высоким граждансским образом Кобзаря, его политической принципиальностью и моральной чистотой, чувством социальной и национальной справедливости, преданностью правде и свободе. Но можем ли вполне представить, что за этим стояло, сколько это требовало душевных сил, сколько это стоило мук и боли, сколько потребовалось для этого прозрений мысли и высоты духа? Чтобы это представить, нужно хорошо знать не только самого Шевченко, но и весь широкий спектр взглядов, интересов и настроений эпохи, в своей совокупности и составлявших историческую реальность. Не имея возможности подробно остановиться на всех ее сложных социокультурных вопросах, ограничимся лишь упоминанием о состоянии литературы в эпоху великого поэта Украины.

Русская общественность первой половины XIX столетия (впрочем, и в более поздние времена, как показал В. Вернадский в статье «Русское общество и украинский вопрос») находилась в значительной мере в плена предубеждений и элементарного незнания исторических, культурно-традиционных, языковых и других аспектов процесса возрождения украинской литературы как провозвестия национального возрождения вообще.

Под влиянием раннего Гоголя, Квятки-Основяненко, Гребинки вошел в моду тон повествования от имени простодушно-лукавого провинциала, селянина-малоросса. Уже у Гребинки он иногда опасно приближался к паясничанию. Менее талантливые люди механически подхватывали эту манеру. А совершенно неталантливые быстро пришли к откровенной профанации. В низкопробной беллетристике и поэзии оформился стереотип простачка «холла», и широкая эксплуатация этого стереотипа помогала компрометации молодой украинской литературы, порой дезориентируя тех, кто мог бы или хотел стать ее другом. Позже по этому поводу наш блестящий культуролог (если воспользоваться современной терминологией) В. Горленко писал:

«На заре малорусской письменности первые писатели, люди с талантом, погрешили, присвоив нашему сельскому люду тупые и дурашковые черты. Это могло находить объяснения в эпохе, когда один выход на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиции, г.г. Ващенко-Захарченко и т.д. держались старых преданий, но лишились уже старых свойств: ума и веселости. Кающаяся Немезида расправилась по-своему с упорствующими до сих пор псевдонародными гаевыми и наградила их глупостью, обезоруживающей негодование».

Это невольное унижение собственного народа шло параллельно с сознательным унижением со стороны недорожелателей и шовинистов. В речи на панихиде по Шевченко в Рождественской церкви в Киеве 7 мая (по ст. стилю) 1881 года инспектор второй Киевской гимназии М. К.

Чалый, будущий биограф поэта, подчеркивал этот момент:

«Предшественники Шевченко, пародируя язык и народность нашу, не только не способствовали развитию молодой украинской словесности, но и своим передразниванием только помогали нашим недругам глумиться над народными обычаями и своеобразием народного характера свода потомка славного наследства к уровню идиота. Антагонисты нашей национальности, которые, по своему общественному социальному положению, привыкли считать простолюдина своей рабочей силой, доходили порой до того, что, подобно американским планктонам, отрицали в этом одаренном племени богатство памятников народной поэзии, доказавшим свою способность к духовному росту в будущем, — отрицали, говорю, в нем канун бытия ни способность к высшему духовному развитию! Да простят им бог такие оскорблении!»

ВЕЛИКИЙ подвиг Тараса Шевченко заключался прежде всего в том, что он, возвысив понятие о своей нации — возвратив этому понятию его истинное достоинство — одновременно возвысил и ее возрождавшуюся литературу до уровня общечеловеческого. Собственно, это был коллективный подвиг, колlettivnyy труд целой когорты национально пробуждавшейся интелигенции (значительная часть которой сгруппировалась в Кирилло-Мефодиевском братстве — разгром его снова на многие годы обескровил украинскую литературу и науку), — но именно гений Тараса Шевченко озарил этот подвиг и этот труд необычайно ярким и покоряющим светом. И уже Н. Чернышевский, поддержав в статье «Новые периодические издания» украинский журнал «Основа», профессиональным уровнем высоко поднимавшийся над своими предшественниками, дал точную оценку принципиально новой ситуации, которую создали поэзия Шевченко и литературный труд большой группы людей, объединившихся вокруг дела национально-культурного возрождения.

Он считает, что с тех пор, как кто-либо в великорусской литературе холодно отзылся о стремлении к возрождению самостоятельной и полноценной украинской литературы на народном языке, «времена изменились, порядком изменились мы, да и малорусская литература получила уже такое развитие, что даже могла бы обойтись и без нашего великорусского одобрения, если бы могли мы не иметь к ней сочувствия». Когда у поляков появился Мицкевич, им уже не нужны были снисходительные отзывы каких-то французских или немецких критиков: не признавать польскую литературу означало бы только проявлять собственную дикость. Имя теперь такого поэта, как Шевченко, считает Н. Г. Чернышевский, малорусская литература тоже не нуждается ни в чьем снисхождении. И, кроме Шевченко, он называет ряд авторов, которые были бы не последними писателями в литературе «и побогаче великорусской».

В этой связи Чернышевский назвал Пантелеймона Кулиша, Николая Костомарова, Марка Бовчука.

Тем не менее украинскую литературу и впредь «не признавали». Царское правительство упорно прибегало и к ограничительным циркулярам, и к прямому запрещению. Деятели типа М. Каткова, И. Аксакова (он говорил о туххах военных монархистах и националистах, что называли себя «истинно русскими людьми») переносили вопрос в политическую плоскость изобличая энтузиастов новой украинской литературы в «сепаратизме» и «казепитизме». Украинцам предлагали своеобразный вариант двуязычия: за их языком милостиво оставляли сферу «домашнего употребления».

Монархистам-великодержавникам подыгрывали и верноподданные «малоруссы-патриоты», предостерегавшие от «чрезмерных претензий». Один из них, Григорий Карпенко, малоруссийские вышли свои ради вящего патриотизма подписавший «Грицко Карпенко», в печатном донесе на украинский журнал «Основа» писал:

МЯТЕЖНЫЙ ПРОРОК

«Уже гласно и печально задумали разъединиться с великорусской литературой, уже объявили, что география и арифметика написаны по-малороссийски, и приглашают все прочие научные предметы писать по-малороссийски. Но спрашиваются: для чего же это? Неужели же эти господа... предполагают завести во всей Малороссии училища, гимназии, университеты на малороссийском языке?.. Ужистати затеять быть опять самостоятельность и духовному росту в будущем, — отрицают, говорю, в нем канун бытия ни способность к высшему духовному развитию! Да простят им бог такие оскорблении!»

Кстати, обвинение в притязании на германский титул (которого не избежал и Шевченко) пережило несколько поколений катковых и грызцов карпенков.

С величайшим хладнокровием парировал Шевченко подобные обвинения. И на вопрос о границах самостоятельности украинской словесности давал ответ простой и достойный: «У них народ и слово, и у нас народ и слово». В утверждении уверенности своего народа и его литературы — великий подвиг Тараса Шевченко.

И не менее великий подвиг его в том, что возрождавшуюся литературу своего народа он оплодотворил самыми передовыми идеями своего времени и даже опережавшими время. До Шевченко литература и общественная мысль Украины в значительной мере были отягощены не только провинциализмом, но и сервильизмом, верноподданничеством, обусловленными колониальным положением, национальным гнетом. И впоследствии верноподданнические элементы украинского общества не раз становились опорой и оплотом общероссийской реакции, а неволя Украины — тяжкой гирей на ногах общественно-политического прогресса, что как бы подтверждало пророчество Карела Гавличека-Боровского: «Малорусь-Украина — это постоянное проклятие, которое сами над собой прорекли ее угнетатели. Так мстит им порабощенная свобода Украины... Пока не исправлена кривда, причиненная украинцам, до тех пор невозможны действительное международное спокойствие и славянское взаимопонимание».

Но в то же время вдвое (социально и национально) угнетенное положение Украины могло стать и стало — в творчестве Шевченко прежде всего — источником огромной революционной энергии.

ИМЕННО потому, что на Украине, еще помнившей времена казачества, еще певшей пред надувной волю и про «Катерину, вражу бабу», закабалившую «степ широкий, край веселый», особенно остро ощущались ужасы крепостничества и особенно силен был протест против него, — именно потому (а не только по обстоятельствам личной судьбы) Шевченко достиг в разоблачении крепостного строя (всех его аспектов!) такой страсти и глубины, что мало кто, даже Некрасов, имевший огромные заслуги, мог стать с ним рядом. Один из первых русских исследователей творчества украинского поэта в свое время писал: «Сравнивая неустанные обличия крепостного права, какие принаследжат украинскому поэту, с тем, что за те же годы произвел Некрасов, известный историк крестьянского вопроса В. Семёновский говорит, что Шевченко надо отдать преимущество и по количеству, и по качеству произведений, затрагивающих крестьянский вопрос».

Именно потому, что самодержавие было не только отрицанием общечеловеческого демократического идеала, гробовщиком национальной свободы Украины, Шевченко отважился на такие слова о «помазаннике божием», на какие никто еще не отваживался, и клеймил монархов с таким гневом и сарказмом, до каких возвышались разве что Петро и Юрий. Но Петро и Юрий издавались над монархами тогда, когда их народы уже восстали, а Шевченко — когда подавляющая часть общественности, даже либеральная (после расправы с декабристами), еще не могла говорить о своих земных владыках иначе, как с верноподданническим содроганием.

Будучи верным сыном своего народа, стремившимся к его освобождению, он искренне проникся судьбой других угнетенных народов царской России, и никакие предрасудки или барьера не сдерживали его братских чувств. Задолго до того, как сложилась концепция общероссийской революционной демократии в национальном вопросе (отражавшая взгляды не только русских революционеров, но в той или иной мере и прогрессивных деятелей всех народов России), Шевченко в поэме «Кавказ» (1845) заклеймил царскую Россию как тюрьму народов, где «на всех языках все молчат».

Никогда и ни в чем не возвышал Шевченко свой народ над другими, вообще не искал в нем черт, которые бы были свойственны только ему, и больше никому. О нем мало сказать современным нашим словом: интернационалист. Он был Человеком, истинным Человеком в родовом значении этого слова, при том, что был сыном своего времени, своего народа и, разделяя их недостатки в малом, в большом, великом шел на сто лет впереди. Знал свой долг перед всечеловеческой семьей народов, но имел мужество и этой семье народов напомнить о ее всечеловеческом долге перед своей поруганной нацией.

Великая любовь прозорлива и требовательна. Она может рождать и гнев, истыд.

Шевченко — творец в украинской литературе, в духовной жизни Украины того могучего и беспощадного духа национальной самокритики, того «национального стыда» (выражение К. Маркса), который всегда является потребностью и предпосылкой большого национального движения, всякого национального возрождения.

Подобные мотивы знакомы многим литераторам мира, в особенности же литературам народов, переживавших национальное угнетение, катастрофу или упадок и поднимавшихся на великом деле национального возрождения. Впечатляющие аналогии этим мотивам Шевченко найдем в творчестве Беранже, Юрия; у Лессинга, Шиллера, у Зейме и Гейне, других немецких поэтов-демократов первой половины XIX века; у Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, В. Кючукова. Но более всего — у поэтов национально-освободительной борьбы: Мицкевича, Петро, Хосе Марти, Христо Ботева... Можно сослаться и на высокую волну национальной самокритики во французской литературе конца XIX века (в частности у Ромена Роллана). У всех этих писателей найдем много соотносимого (а порой и почти буквальных совпадений) в критическом счете, предъявляемом собственной нации, — как и у на-

Автопортрет. 1857 г.

ших Шевченко, Драгоманова, Франко, Леси Українки, Самійленко, а позже —

Хвильового.

Но вместе с тем Шевченко очень специфичен по характеру и почти недосягаем в энергии изобличения «собственного» панства, псевдопатриотизма, рабства, пакистана, гражданско-ленинства, потерии традиций героической борьбы предков за свободу. Перед ним стоял вопрос не только о том, каким быть его народу, но и быть ему или не быть вообще. Тут у него есть моменты глубокого внутреннего родства с крупнейшими поэтами национального возрождения, среди которых — И. Чавчавадзе, А. Церетели, К. Хетагуров, М. Богданович, Л. Купала, М. Майоров, О. Туманин, М. Ф. Ахундов, Г. Туки, Абай и многие другие.

Национальная боль придавала особенный характер и мотивы национальной самокритики, «национального стыда». Есть широкие аналогии со своеобразием звучания этого мотива в творчестве просветителей многих народов Российской империи: татарина К. Насыри, башкира Акмуллы, казахов И. Алтынсарина, Ч. Валиханова, таджики Ахмада Дониша, а позже — С. Айни, узбеков Мукими, Завки, Фурката, каракалпака Бердаха, якута А. Кулаковского и др. Тяжкое положение порождало и особенное сравнительное с европейскими поэтами качество мотива национальной самокритики: больший трагизм, а вместе с тем и обостренное, страстное искашение надежды, обращение к истории, к народным традициям борьбы, апелляцию к трудовым «низам» как единой опоре возможного национального развития (поскольку верхние слои общества нередко отрывались от народа не только в социально-политическом, но и в культурно-

и художественном отношении).

Для Шевченко в его поэзии было как две Украины: Украина как непреходящее начало и Украина как исторический момент. Украина-матерь и Украина заблудшая. Украина непорочная и Украина «расплетенная». Украина «лыцарей» и Украина

«рабов, подноожков». Эту вторую, исторически извращенную и исторически преходящую Украину он бичевал и проклинал ради первой — Украины материнской, Украины непреходящей. В глубины будущего слал он свои непреложные заветы сыновьям родного народа, и среди этих заветов первый и последний:

Свою Украину любить,
Любить її... Во время лютє,
В остатню тяжку минуту
За неї господи моліть.

НЕРЕДКО поэзию Шевченко сознательно или неосознанно сводили к его ранним фольклорно-романтическим да еще антикрепостническим мотивам. А в последние десятилетия только их и можно было услышать, скажем, на вечерах памяти Шевченко. Национально-политической поэзии Кобзаря прямо-таки боялись. Конечно, и в ранних произведениях Шевченко велик. Но велик, скорее, для нас, украинцев, вели для своего времени. Великим же для всего мира и на все времена он стал благодаря своей политической, национально-политической и философской поэзии 40—60-х годов. «Сон», «Кавказ», «послание» «И мертвым и живым, и нерожденным...», «Еретик», лирика каземата и времен ссыпки, «Неофиты», «Осии. Глава XIV», «Мария» — сущайшие вершины поэтического духа.

Мы справедливо говорим о нем как о поэте социального и национального гнева, как о пламенном пророке. Но он и поэт любви, бесконечно-нежной и тончайших движений сердца, идиллии мечтательного счастья; поэт евангельского милосердия и прощения, полноты человеческого великолюбия.

Шевченко — поэт современный и актуальный сегодня; таким он был вчера и завтра, таким будет завтра и послезавтра. Это поэт на все времена, поэт, вовеки насущный и всегда злободневный. В этом радостное и печальное для нас. Радостное — потому что вечно и нужны нам его идеалы, печальное — потому что и сегодня жизнь человечества и наша жизнь не свободны от тех кризисов и болей, что запеклись в его страждущем слове.

Но есть и более глубокий уровень насыщенности — его нетленные гуманистические идеалы. Они не были отвлеченно-прекраснодушными, в их конкретной социальной и национальной наполненности было не только созвучие с передовой общеевропейской революционной мыслью, но и обогащение ее, а передко и опережение.

Это прекрасно, что сегодня мы возвращаем себе национальное самосознание под знаком Шевченко. Ибо Шевченко был гуманистом и интернационалистом, не было в нем ни капли националь